

ИГОРЬ КИО: ДЛЯ ХОРОШЕГО ФОКУСА МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ МАЛО

В каждой области искусства есть имена-легенды, имена-символы, являющиеся мерилем отсчета жанра, в котором они работают. В российском цирковом искусстве такое имя, безусловно, принадлежит династии иллюзионистов Кио, родоначальником которой был великий Эмиль Теодорович Кио. Его дело продолжили сыновья Эмиль и Игорь Кио, из которых более знаменит Игорь Эмильевич. Это он, красивый и импозантный, с легкостью волшебника сжигает женщин, распиливает их на глазах у изумленной публики, в мгновение ока отправляет в неизвестном направлении, чтобы через секунду обнаружить на их месте рычащего тигра. Игорь Кио – единственный иллюзионист, который удостоен циркового “Оскара”, учрежденного Королевским цирком Бельгии. Его юношеский краткосрочный брак с дочерью генсека Леонида Ильича Брежнева Галиной и по сей день вызывает повышенный интерес к этой давней истории. И во всех интервью, и в своей книге воспоминаний “Иллюзии без иллюзий” он неизменно говорит одно: это была любовь, это было настоящее чувство. В книге Игорь Эмильевич с подкупающей искренностью рассказывает и о перипетиях этого романа, и о людях, с которыми ему приходилось работать, и о закулисной жизни цирка.

На будущий год у иллюзиониста юбилей – ему исполнится 60 лет. Вот мы и решили поговорить с ним о жизни и искусстве, впрочем, прекрасно понимая, что вещи эти для него абсолютно неразделимы.

– В вашей книге вы рассказываете о том, как возник псевдоним Кио. Вы пишете, что в 20-х годах прошлого века, когда Эмиль Теодорович жил в Варшаве рядом с синагогой и каждое утро в субботу и воскресенье слышал молитвы, которые разносились на всю округу, он улавливал рефреном звучащее “ТКИО, ТКИО”. Это слово настолько врезалось в его память, что он решил взять себе его в качестве фамилии.

– Да, это действительно так, хотя в свое время писали, что на самом деле “Кио” происходит от “кино”, в котором перегорела буква “н”, но все это неправда и выдумка журналистов. Наиболее правдивой мне кажется версия именно с синагогой. Но поскольку в советские времена упоминать синагогу было нежелательно, связь с кино выглядела более пристойной, чем связь с синагогой. А настоящая фамилия отца была Гиршфельд.

– Кто были его родители?

– Отец – коммивояжер, коммерсант, а мать – домохозяйка.

– Как родители отнеслись к тому, что сын избрал такой нетрадиционный путь?

– Мой дед, то есть отец моего отца, очень рано умер и не застал период жизни сына, в котором тот начал свою артистическую деятельность, а мать, по-моему, восприняла это нормально. Но в то же время у отца был брат, его звали Феликс, который был одним из руководителей газеты “Гудок”. Так тот очень стеснялся родственника, работающего в цирке фокусником. Ему казалось, что это не солидно. Но потом, когда Эмиль Теодорович стал известным артистом – а он им стал очень рано, – отношение к нему изменилось, и теперь не он был братом Феликса, а Феликс стал братом Эмиля Кио.

– Как вы думаете, почему так притягательны фокусы? Почему люди жаждут быть обманутыми?

– Им нравится участвовать в иллюзионной игре и чувствовать себя детьми. Так что жанр популярен и на сегодняшний день, несмотря ни на какие открытия в науке.

– Чем отличаются иллюзионные номера сегодняшних артистов от того, что делал ваш отец?

– До него все иллюционисты выступали очень серьезно. Каждый выдавал себя за мага и чародея, на полном серьезе обставляя свои номера мистикой. При этом каждый фокусник как бы намекал, что он причастен к потусторонним силам. А мой отец первым стал показывать шоу, которое было пронизано юмором, он первый ввел клоунов в свое представление, отказался от восточного стиля – надел фрак и стал все делать с иронией. Это было новым направлением в жанре иллюзиона. Сегодня все следуют его школе. Но когда-то это было немыслимо: какие шутки, когда выступает фокусник, какой юмор?! Не боясь быть нескромным, замечу, что в артистическом мире Кио можно сравнить лишь с Аркадием Исааковичем Райкиным. И всем теперь кажется, что Кио в цирке существовал всегда.

– В каком возрасте вы впервые вышли на арену?

– Я вырос в цирке. Когда был еще ребенком, меня одевали под лилипута, и я выходил на манеж, потом работал ассистентом. В 15 лет, когда однажды отец серьезно заболел и нельзя было отменить его выступление, я работал вместо него несколько представлений. Только моя молодость и беспечность могли толкнуть меня на такой безрассудный шаг! У отца не было никаких других соображений, кроме как сделать из меня продолжателя своего дела. А вот моего старшего брата Эмиля, который хорошо учился в школе, он хотел видеть инженером или интеллигентом-гуманитарием. Но тот, окончив инженерно-строительный институт, в конце концов тоже пришел в цирк и стал готовить свой иллюзионный номер.

– Приходилось ли вам в жизни пользоваться своим волшебным умением?

– На полном серьезе, конечно, нет, но однажды был такой случай. В доме, где сейчас мой офис и где мы с вами беседуем, у меня раньше была квартира. Это кооператив Союза архитекторов. В нем было 90 процентов архитекторов, а я был пришлым человеком. И вот, помню, все собрались на жеребьевку, чтобы решить, у кого какой этаж и какая квартира. Когда подошла моя очередь, я решил пошутить и громко спросил жену: “Ты какой хочешь этаж?” Кругом – тишина гробовая. Она говорит: “Двенадцатый”. Я тяну жребий и вытаскиваю 12-й этаж. Совершенно случайно! Тишина стала злоеющей. И потом, когда мы выходили из зала, наши будущие соседи, которым достался какой-то там третий этаж, которого они совсем не хотели, слышу, сзади меня говорят: “Безобразие, здесь Академия архитектуры, а не цирк”.

– Вот и верь вам после этого! А кто из современных иллюзионистов вызывает у вас восхищение, удивление?

– На меня произвело очень большое впечатление выступление Давида Копперфильда, когда я впервые увидел его по телевидению. Но увидев его “живьем” в Кремле, был разочарован: скучно, нет шоу, очень мало трюков, минут 50 он разговаривает. Копперфильд вытягивает за счет своего актерского обаяния, он нравится женщинам, хорошо контактирует с залом. В общем, я отношусь к нему с уважением. Но он работает на сцене, что гораздо легче, чем в цирке. Ведь на сцене ты виден только с одной стороны, а на арене – со всех.

– Если бы у вас появился миллион долларов, что бы вы сотворили, какой иллюзион своей мечты вы бы создали?

– Во-первых, миллион долларов – не такие уж большие деньги для создания настоящего номера. Моя мечта – создать магический замок, где творилось бы что-то, где, начиная с вешалки, участвовали бы артисты самых разных жанров, которые бы появлялись и исчезали, где были бы специальные залы, в которых демонстрировали бы мелкие фокусы, где каждый билетер ходил бы со специальным значком, означающим, что любому зрителю он обязан показать какой-то фокус. Вот это было бы здорово!

– Как вы думаете, в нашей стране это осуществимо?

– Боюсь, что нет. Копперфильд, говорят, делает что-то похожее. У нас если богатые люди сегодня дают деньги, то хотя бы уже завтра была отдача. А в искусстве так не бывает. Вот если бы мне разрешили зарабатывать деньги не десять, а двадцать пять лет назад, я бы тоже спонсировал свои собственные фокусы.

– На будущий год у вас юбилей. Как вы относитесь к этой дате: как к очередному дню рождения или как к особой черте, за которой следует переосмыслить жизнь?

– Знаете, я унаследовал от отца одно качество: он терпеть не мог никаких юбилеев. Есть люди, которым доставляет особое наслаждение сидеть в кресле и выслушивать о себе речи. Это то, что Арканов называет “репетицией поминок”. Еще по молодости я устраивал какие-то торжества, звал гостей. А сейчас мне это не интересно.

Встречалась Элла МИТИНА

ФОТО НАТАЛЬИ ЛОГИНОВОЙ